

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОВЕТСКОГО ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ 60–80-х гг. XX в.

П. Г. НОСАЧЕВ

Статья является введением в проблематику изучения советского эзотерического подполья 60 — 80-х гг. XX в. На фоне диссидентских сообществ Москвы и Ленинграда тех лет резко выделяются кружки, члены которых были увлечены практиками эзотерических учений традиционализма, четвертого пути, Агни-йоги и им подобных.

Как следует из названия данной статьи, автор не ставит перед собой задачу написания полной картины советского эзотерического подполья, а хочет лишь ввести в проблематику возможного будущего изучения данной темы. Зачем это надо? Ответ вполне очевиден: эзотеризм¹ в советское время существовал, его влияние на культурную, политическую и духовную жизнь нашей страны очевидно, но при всем этом до сих пор он не получил сколь-либо серьезной оценки в академической религиоведческой среде. На данный момент существует несколько исследований, затрагивающих тему эзотерического подполья 60–80-х гг. Прежде всего это исследования О. Шишкина², А. Андреева³ и А. Никитина⁴, в которых авторы описывают эзотерические течения и движения первой половины XX в., в том числе рассматривая их влияние на вторую половину столетия. Таким образом, названные работы лишь по касательной задевают тему нашего исследования. Первым и единственным комплексным исследованием этой проблематики должна стать зарубежная монография под редакцией профессоров Брид-

¹ Здесь далее под эзотеризмом мы понимаем особый феномен, берущий начало в синкретизме эпохи Возрождения и проявляющий себя в различных формах (ордена, каббала, алхимия, герметизм и т. п.) в Западной культуре вплоть до сего дня. Подробнее о феномене и истории его изучения см.: *Жданов В.* Изучение эзотерики в Западной Европе: Институты, концепции и методики // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия. СПб., 2009. С. 5–27; *Носачев П. Г.* Эзотерика: Основные моменты истории термина // Вестник ПСТГУ I. 2011. С. 49–60; *Hanegraaff W. J.* Esoterica // Dictionary of gnosis and western esotericism. Leiden, 2006. P. 336–340; *Verluis A.* What is Esoteric? Methods in the Study of Western Esotericism // Esoterica. 2002. № 4. P. 1–15.

² *Шишкин О.* Битва за Гималаи: НКВД: Магия и шпионаж. М., 1999.

³ *Андреев А.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. СПб., 2008; Рерих: Мифы и факты / А. Андреев, Д. Савелли, ред. СПб., 2011.

⁴ *Никитин А.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры советской России: Исследования и материалы. М., 2002.

жит Менцель (Brigit Menzel) и Михаэла Хагемайстера (Michael Hagemeister) «The New Age of Russia: Occult and esoteric dimensions»⁵, на момент написания статьи, ушедшая в печать в берлинском издательстве «Otto Sagner».

Отдельно необходимо упомянуть книги авторов-адептов⁶, пришедших в определенный момент к необходимости ретроспективного рефлексивного осмысления опыта среды, сформировавшей и взрастившей их. Прежде всего упомянем книгу Аркадия Ровнера «Вспоминая себя»⁷, которая является разнородным сплавом различных очерков-воспоминаний автора о 60–80-х гг., о том обществе, в котором он жил, об идеях, течениях, личностях, с которыми сталкивался. Так как Ровнер является практиком учения четвертого пути, то в его воспоминаниях максимально выражена эзотерическая составляющая, т. е. он пишет именно об эзотерическом подполье, причем пишет откровенно, порой очень резко. Данную работу отличает высокий, достигающий иногда до академизма, уровень рефлексии, присущий Ровнеру и в других текстах⁸. Книга Владимира Джа Гузмана «Школа магов: фрагменты мистического движения в СССР в 70–80-е года»⁹, как следует из названия, повествует об эзотерических кружках, расплодившихся на территории Союза от Таллина до Баку. Это «разухабистое» сочинение, написанное вольным, художественным стилем, повествует о великом авторе (самом Джа Гузмани), о том, как он был успешен во всем — от наркотиков до бизнеса — и об учителях и искателях, встретившихся ему на пути. При всем сказанном в книге присутствует интересный материал, проливающий свет на жизнь эзотерического подполья. Многотомное сочинение Владислава Лебедько «Хроники российской саньясы»¹⁰ является сборником интервью, собранных автором, в работе много личных воспоминаний и размышлений, чем она и ценна. Последняя из рассматриваемых работ — повесть Константина Серебров «Мистический андеграунд»¹¹, излагающая в художественной форме историю ученичества автора у т. н. мастера Джи¹².

Прежде чем переходить к сути вопроса, скажем несколько слов и о временных рамках. Период 1960–1980-х гг. выбран не случайно. В годы сталинского правления об эзотеризме можно было говорить лишь до конца 1920-х гг., а после начались процессы, в результате которых почти все деятели масонских, теософских и иных организаций были расстреляны или отправлены в лагеря¹³. Лишь

⁵ В книге собраны специально написанные статьи Олега Шишкина, Марка Седжвика, Михаэла Хагемайстера, Константина Бурмистрова, Бриджит Менцель и многих других.

⁶ Так мы будем именовать исследователей, которые сами вышли из советского эзотерического андеграунда и, будучи приверженцами тех или иных учений и практик, разделяют все или некоторые его мифологемы.

⁷ Ровнер А. Вспоминая себя: Книга о друзьях и спутниках жизни. Пенза, 2010.

⁸ См., например: Ровнер А. Гурджиев и Успенский. М., 2002.

⁹ Электронную версию книги можно найти по адресу: <http://www.guzmanmedia.com/gm2/cont.php4> (дата обращения: 21. 01. 2012).

¹⁰ В электронном виде доступно по адресу: <http://sannyasa.narod.ru/chronicles/allvols.htm> (дата обращения: 21.01. 2012).

¹¹ Серебров К. Мистический андеграунд: Герметическая традиция. М., 2002.

¹² Под этим псевдонимом скрывается известная фигура советского подполья — Владимир Степанов.

¹³ Об этом подробнее см.: Никитин. Цит. соч. С. ???

в 50-е гг. уже среди молодежи, не имевшей прямого контакта с дореволюционными кружками и обществами, идеи эзотеризма начали возникать как форма альтернативного господствующей идеологии, подчас не дифференцированного четко мировоззрения, а к началу 60-х благодаря веянию оттепели появились новые кружки — подполье как таковое. Процесс развития, структурирования и углубления внутренней жизни описываемой среды завершился к середине 80-х по естественным причинам: многие из лидеров (например, Мамлеев, Ровнер) нашли возможность уехать на Запад; другие, не уехав за границу, стали активно налаживать контакты по интеграции в Западное сообщество¹⁴, т. е. вливаться в широкий спектр движения Нью Эйдж; в то же время из-за границы стали приезжать представители различных НРД (Общества сознания Кришны¹⁵, Церкви объединения и т. п.), составляя активную конкуренцию нашей кружковщине. Таким образом, к концу 80-х период советского эзотерического андеграунда завершился, но его последствия ощутимы до сих пор. Между рождением и закатом можно выделить и промежуточный этап, примерно к середине 70-х эзотерическое подполье стало, подобно кругам от брошенного в воду камня, расходиться от центра (Москва, Ленинград) к периферии, причем периферия стала играть более важную роль, т. к. в ней старались отыскать новых учителей, которые смогли бы приобщить адептов к особым граням эзотерического знания¹⁶.

Извращенные ангелы

Прежде всего зададимся вопросом, каков был социальный состав эзотерического подполья тех лет? Безусловно, спектр людей, в той или иной степени разделявших идеи подполья, сочувствовавших ему и даже изредка входивших в кружки, очень разнообразен: от советской технической и гуманитарной интеллигенции до рабочих городских фабрик и заводов. В данном случае все они разделяли отдельные мифологемы культовой среды общества¹⁷, хорошо оформившейся в союзе к середине 60-х гг. Но в то же время не они являлись ядром эзотерического подполья, они лишь притягивались к центрам, состоящим из личностей несколько другого плана. Кто же был в центре подполья? Для выяс-

¹⁴ В свою очередь Западное сообщество тоже проявляло немалый интерес к экстрасенсорной сфере русского эзотеризма. Интересным свидетельством данного явления является альбом Джуны, подаренной американскому исследователю паранормальных феноменов Чарльзу Тарту в середине 80-х годов. Мы имели возможность ознакомиться с ним на V конференции АИЭМ в Петербурге.

¹⁵ Интересную историю о зарождении Общества сознания Кришны в России можно прочесть у Гузмана в главе «Nare Krishna».

¹⁶ В подтверждение приведем отрывок из книги Ровнера: «Шел один верблюд, шел другой верблюд, шел целый караван. Потянулись один за другим ходоки к Мирзабаю. После Кастанеды пришло время интереса к своей домашней экзотике. Одни отправлялись на поклон к Дандарону в Улан-Уде. То были интеллектуалы от духовных искателей. Так сказать, идеалисты. Другие — к мистеру Тамму под Таллин. Оккультисты. Третьи шли к Мирзабаю. То были суровые реалисты» (*Ровнер. Вспоминая себя...* С. 300).

¹⁷ Термин, предложенный Колином Кэмпбеллом для описания аморфной религиозности. Подробнее см.: *Campbell C. The cult, the cult milieu and secularization // A sociological yearbook on religion in Britain. 1972. Vol. 5. P. 119–136.*

нения этого обратимся к словам одного из лидеров тех лет Евгения Головина, который выделил в среде обитателей советского мира несколько слоев:

- 1) ниже всех стоит «шляпня», «инженерье», советская интеллигенция, у нее нет внутреннего бытия вообще, это бумажное изделие, смертельно мокнущее под дождем, разрываемое любым нервным порывом бытийных ветров;
- 2) чуть выше — злые тролли, к ним относятся домохозяйки из коммуналок, подъездная угрюмая и решительная урла, ловкие поджарые алкаши, собравшиеся озябшим утром у ларька, — эти несут в себе темное упругое бытие, готовое в любой момент рассыпаться звездной, едва собранной против случайного объекта агрессивностью;
- 3) далее идут более утонченные агрессоры — духи, гоблины, профессиональные клязники, сотрудники спецслужб (представители «Ордена голубых бриллиантов»), бодрые позднесоветские чудовища;
- 4) выше всех — «извращенные ангелы», воспаленно-метафизические души южинского шизоидного подполья с натянутой струной горнего духа, подобного выправке кремлевских курсантов, с безжалостными безднами преступных трансцендентальных подозрений (к этой категории Головин причислял самого себя).

На вопрос коллеги «А кто стоит выше «извращенных ангелов?» — Головин, удивленно подняв бровь, отвечал: «Как кто? Люди...»¹⁸.

Самым интересным здесь является не то, что практически все обитатели союза предстают в виде недочеловеков, уродцев, порожденных больным воображением или древними забытыми сказками. Главное здесь это тождественность пунктов 4 и 1. Дело в том, что ядром кружков в эзотерическом подполье были интеллигенты, которые всей душой *не хотели быть интеллигентами*. Это нежелание было порождено животной ненавистью к Союзу и всему, что он производит и создает. В такой картине советская интеллигенция, отдающая свой разум, свои силы на службу системе, была хуже всего, т. к. она, в отличие от «пролов», «гэбешников» и других, осознавала всю порочность этой самой системы, но из соглашательства, из желания найти теплое место закрывала на все это глаза¹⁹. Себя

¹⁸ Цит. из воспоминаний А. Дугина: *Головин Е. Приближение к снежной королеве*. М., 2003. С. 6.

¹⁹ Вот как эту тайную свободу русской интеллигенции проиллюстрировал в своем романе вышедший из эзотерического подполья писатель Виктор Пелевин: «Он сказал, что в румынском языке есть похожая идиома — “хаз барагаз” или что-то в этом роде. Не помню точно, как звучит. Означают эти слова буквально “подземный смех”. Дело в том, что в Средние века на Румынию часто нападали всякие кочевники, и поэтому их крестьяне строили огромные землянки, целые подземные дома, куда сгоняли свой скот, как только на горизонте поднималось облако пыли. Сами они прятались там же, а поскольку эти землянки были прекрасно замаскированы, кочевники ничего не могли найти. Крестьяне, натурально, вели себя под землей очень тихо, и только иногда, когда их уж совсем переполняла радость от того, что они так ловко всех обманули, они, зажимая рот рукой, тихо-тихо хохотали. Так вот, тайная свобода, сказал этот румын, это то, когда ты сидишь между вонючих козлов и баранов и, тыча пальцем вверх, тихо-тихо хихикаешь. Знаете, Котовский, это было настолько точное описание ситуации, что я в тот же вечер перестал быть русским интеллигентом. Хохотать под землей — это не для меня. Свобода не бывает тайной» (*Пелевин В. Чапаев и пустота*. М., 1996. С. 174–175).

же деятели эзотерического подполья мнили незапятнанными ангелами, но ангелами извращенными, так как всей своей жизнью они должны были попирать нормы и правила той самой советской интеллигенции. В подтверждение своих слов приведу цитату из книги Аркадия Ровнера: «Мои спутники по жизни были маргиналами, богемой, людьми, выпадающими из культурных клише, но именно в этом качестве людей, людей незахваченных социумом и не приспособленных им для своих плоских нужд, они и интересны»²⁰. Эта «незахваченность социумом» могла выражаться в различных формах, представители эзотерической богемы теряли паспорта, нигде не работали, собирались в пивных и шашлычных с различным сбродом, раздражались нецензурной бранью²¹, писали стихи и рассказы, в которых вся советская действительность была вывернута наизнанку и насыщена маньяками, извращенцами и моральными уродами всех мастей²². Причем даже когда им приходилось поневоле сотрудничать с системой, главной целью оставалось навредить и разрушить²³.

По контрасту с советской действительностью Запад воспринимался эзотерической богемой в радужных тонах. Особенно ярко это проявлялось в свете возможной для некоторых представителей богемы эмиграции. Вот, как о Западе отзывался незадолго перед отъездом в Америку лидер кружка Южинского переулка Юрий Мамлеев: «Господа, жизнь на Западе — это сплошной карнавал, нам трудно себе даже представить, что нас там ждет, мы ведь до сих пор еще не жили... Мы едем на Запад, чтобы открыть ему тайну, которую знаем только мы. Это тайна последней бездны, тайна глубочайшего ада. Только погрузившись в ад, можно познать истину...»²⁴. Такое превознесение Запада может показаться странным, если взглянуть на него через призму авторов, считавшихся в кружках основополагающими: Генона, Штайнера, Гурджиева и др. Одной из основных характеристик эзотеризма, в особенности эзотеризма XX в., является резкое отторжение современности, причем во всех ее проявлениях, корни такого отторжения можно найти еще в гностической идее нашего мира как творения ложных несовершенных архонтов, чрезмерно удаленного от плеромы²⁵. Эзотерических авторов XX в. разделяют в данном случае лишь представления о способах бытия в мире: либо движение вперед, эволюционное преодоление мира (Блаватская, Штайнер, Рерихи и т.п.), либо возвращение к истокам, к изначальной традиции,

²⁰ Ровнер. Вспоминая себя... С. 77.

²¹ Вот как Ровнер вспоминает переезд Мамлеева в его первую американскую квартиру: «С перевозкой мебели Мамлееву помогало несколько знакомых мне эмигрантов из России, очевидно, поклонников мамлеевского творчества. Когда, расставив столы и диваны, они попрощались и ушли, оставшаяся компания писателей и художников, не стовариваясь, разразилась бурной матерной бранью... Брань продолжалась примерно с полчаса: с помощью брани художники «отмывали» пространство от следов помогавших им людей» (Ровнер. Вспоминая себя... С. 109)

²² См.: ранние романы («Шатуны» и «Московский гамбит») и рассказы Ю. В. Мамлеева.

²³ По воспоминаниям друзей Евгения Головина, он однажды признался, что в бытность свою редактором в отделе иностранной литературы в СССР он никогда не рекомендовал к изданию хороших вещей. На изумленный вопрос: «Почему?» был простой ответ: «Чтобы советская сволочь не читала хороших книг».

²⁴ Ровнер. Вспоминая себя... С. 85.

²⁵ О гнозисе см.: Йонас Г. Гностицизм: Гностическая религия. СПб., 1998.

утраченной деградировавшим миром (Генон, Эвола, ариософы Рейха). У представителей же советского подполья мы видим совсем иной настрой. Его анализ наводит на подозрение: а столь ли уж искренним было это увлечение эзотеризмом, не было ли все это лишь позой, принятой интеллигентом, не желающим идти на услужение системе, позой, которая никак не затрагивала их личных, глубинных желаний и стремлений? Не были ли советские эзотерики глухи к тем учениям, с которыми они знакомились и которые проповедовали?

Смыслы, утраченные и обретенные

Мир кружков советского подполья был очень неоднороден. В первом приближении можно выделить несколько типов сообществ, распространенных в Союзе в 60–80-е гг. К первому можно отнести возобновляемые традиции. Как уже отмечалось выше, до 1917 г. в России существовали тайные общества, уничтоженные во времена репрессий, но не все их адепты были истреблены, некоторые укрылись и, переживая бурю, находились в тени. Именно они стали высматривать среди ищущей молодежи возможных кандидатов на возобновление старых обществ. Так появились сообщества типа «Корабля дураков», организованные известным «гуру» тех лет Владимиром Степановым. Вот как он вспоминает о своей первой встрече с представителями дореволюционных кругов: «Так вот, этих людей, которые были продолжателями русской эзотерической Традиции тех далеких времен, привлекло во мне следующее: и я и они заказывали в Публичной библиотеке одну и ту же литературу, причем очень редкую. Это было весьма странным совпадением, причем не единичным, потому, что продолжалось так достаточно долго. Мы с ними продвигались по одним и тем же материалам и авторам почти в одном ритме. Проявилась некая идентичность почерка... и произошла наша встреча с одним из этих людей. А до этого они уже около года за мной следили, проверяли по своим каналам, через своих учеников...»²⁶.

Но большая часть сообществ возникала вокруг самоучек, одним из которых поначалу был и сам Степанов. Такие люди не относили себя ни к одной традиции, а просто много читали. Для этого надо было стать эрудированным человеком, желательно знать не один язык, ведь переводов тогда еще почти не существовало, и подолгу сидеть в библиотеках, выискивая среди разрешенных книг перлы Гурджиева, Генона, Штайнера и других²⁷. Среди таких самоучек можно также выделить две группы: первая, прочитав достаточно много, избирала одно учение и старалась следовать ему (так, в основном, формировались группы почитателей немецкого доктора Штайнера), вторая же, напротив, не удовлетворялась ничем готовым и начинала смешивать уже имеющиеся учения в произвольных комбинациях, создавая из этой смеси что-то свое²⁸.

²⁶ Лебедько В. Хроники русской саньясы. М., 2000. Т. 2 // URL: <http://sannyasa.narod.ru/chronicles/vol2/stepanov.htm> (дата обращения: 21.01.2012)

²⁷ В предисловии к книге Евгения Головина «Там» его ученик Александр Дугин вспоминает: многие считали Головина таким духовно продвинутым из-за того, что он много читал книг, недоступных остальным (см.: Дугин А. Евгений Головин и сущность поэзии: Аватары танцующей звезды // Головин Е. Там. М., 2011. С. 290).

²⁸ На начальном этапе комбинаторикой занимались и представители первого рода групп.

Так можно ли среди столь большого многообразия различных групп и течений выделить какие-то общие черты? Как кажется, да, хотя, безусловно, такое обобщение не будет лишено недостатков.

Первая, на наш взгляд, общая черта, присущая большинству групп, это увлечение практиками пути левой руки. Суть данного направления, по мнению эзотериков, метафорически выражена в «Божественной комедии» Данте, где *alter ego* автора, прежде чем узреть чистилище и рай, должен пройти через все круги ада, от первого и до последнего. Таким образом, адепт, исповедующий учения подобного типа, должен, во имя достижения высшего духовного состояния, подвергнуть себя аморальным и либертинистским практикам. Все это сполна нашло отражение в советском эзотерическом андеграунде: постоянные пьянки, доходящие почти до белой горячки²⁹, употребление различных наркотических веществ, начиная от жидкости для чистки роялей и заканчивая героином³⁰, различные сексуальные эксперименты³¹, вызывающие имморализм поведения и т. п. Что увлекало в этом «извращенных ангелов» советского подполья? Видимо, такой жизнью они, прежде всего, надеялись уйти от терзающей их унылой действительности Союза, а с другой стороны, отрицали все его нормы, образцы и этику добродетелей.

Второй важной общей характеристикой является отношение к религии. В целом у людей, не связанных с интенсивной жизнью подполья тех лет, интерес к эзотеризму совмещался с не меньшим интересом к религии, причем многие из увлекшихся кружковщиной позже становились верующими христианами³². С теми же, кто стоял у основания данных сообществ, все обстоит несколько иначе. Они воспринимали Церковь как нечто поверхностное, ценное для масс, но не подходящее для духовной элиты, к которой они причисляли себя³³. Некоторые даже

²⁹ Виталий Мамлеев, вспоминая о тех годах, говорит: «Как и вся наша Русь, я употреблял алкоголь во всех видах, и недаром в эмиграции кто-то сказал: “Всем хорошим я обязан водке”. Тогда алкоголь играл особую социально-психологическую роль, служил своеобразной защитой от наиболее черных сторон советской реальности» (Кто сегодня делает философию в России / А. С. Нилогов, ред. М., 2007. Т. 1. С. 126).

³⁰ Эксперименты такого рода подробно описывает Владимир Джа Гузман в своих книгах «Школа магов: фрагменты мистического движения в СССР в 70–80-е года» и «Тропую священного козерога».

³¹ Подтверждений тому много в текстах Ровнера (взять хотя бы историю о группе, созданной вокруг каракалпакского дервиша Мирзабая Кытымбаева) и Гузмана.

³² Случаи такого плана см. в книге Ровнера (*Ровнер. Вспоминая себя...* С. 86, 162, 244, 249).

³³ Интересным в данном контексте является определение, данное Ю. Мамлеевым метафизике, т. е. именно тому, чем и занимались представители кружковщины: «Независимо от того, признает это академическая наука или нет, существуют три основных направления: рациональная философия, метафизика и богословие. Метафизика занимает место как бы посередине между философией и богословием. Здесь данные сверхчувственного опыта изучаются в философском ключе, без догматики, усилиями человеческого разума. А академическая философия полностью связана с *ratio*» (Кто сегодня делает философию в России... С. 135). Сравните с тем, что о себе пишет Аркадий Ровнер: «Среди моих друзей много людей религиозного дискурса: иудеев, евреев, христиан и буддистов. Многие из них являются настоящими мистиками, претворяющими в жизнь смыслы и ценности этих религий. Однако самого меня судьба поставила вне этого славного рода людей, прикрепившихся сердцем к одной какой-

доходили до отождествления Церкви с системой, которую они презирали, хотя оснований для такого отождествления не было.

Еще одной общей чертой эзотерического андеграунда был синкретизм. Тексты Климента Александрийского и Григория Паламы вполне могли соседствовать с книжками Идриса Шаха, трудами Рудольфа Штайнера и работами Георгия Гурджиева, Карлоса Кастанеды и Алистера Кроули, причем их чтение легко совмещалось с практиками левого пути³⁴. Такая всеядность характерна и для современного Нью Эйджа, в котором затем и растворилось советское движение.

Таким образом, из всех общих характеристик, выделенных нами, одна является присущей Нью Эйджу, а быть может, и всему эзотеризму в целом. Две же других, по сути, являются негативными, т. к. основаны на отрицании религии и системы. Таким образом, получается, что эзотеризм советской кружковщины не имел единого положительного ядра. Значит ли это, что он не был глубинно воспринят его участниками, была ли это лишь поза или игра, уводящая от советской действительности? На наш взгляд, такое восприятие представляется не совсем верным. Эзотеризм, как и религия, имеют прямую связь с духовными устремлениями человека, как кажется, увлечение и тем и другим не может пройти бесследно ни для кого. Этот отпечаток остается на всю жизнь, даже в том случае, если человек сознательно или случайно оставляет религиозные или эзотерические практики. В качестве вывода нам хотелось бы привести цитату из все той же книги Аркадия Ровнера, пусть читателя не смущает тот факт, что она посвящена Евгению Головину, на наш взгляд, с определенными оговорками ее можно применить к большинству представителей советского андеграунда: «Если при помощи особой алхимической процедуры аккуратно отделить от Головина приросший к нему образ эпатажника и мистического анархиста, забыть его дикие выходки — кто останется на трубе? Останется классически образованный — сам себя образовавший — российский интеллигент, метафизик, автор отчаянных песен и декадентских стихов, страдающий (как же иначе) от упадка всемирного градусуса и чудовищной пошлости постсоветского “нэпа”... Но можно ли снять с человека кожу, особенно если она срослась с его нутром?»³⁵.

* * *

Безусловно, наш текст не претендует на полноту охвата всего многообразия проявлений эзотеризма в Советском Союзе. Мы сознательно решили сосредоточить свое внимание преимущественно на столичной кружковщине, причем заостренной на особых синкретических практиках, а ведь были еще группы, придерживавшиеся отдельных направлений эзотеризма (например, советские антропософы, нашедшие свое пристанище в разных уголках советской империи). Также за бортом нашего исследования остался феномен синтеза эзотеризма и

нибудь правде. Я себя вижу не с ними и не над ними, а в «межтрадичье», как это определил когда-то Г. С. Померанц» (*Ровнер. Вспоминая себя...* С. 149).

³⁴ Самой яркой иллюстрацией здесь является книга Гузмана, где автор описывает свои странствия от теософов к настоящим калмыцким ламам, а затем к московским последователям Генона, легко совмещавшие им с посещением православных служб с отчетками в промежутках между приемом наркотиков и занятиями йогой.

³⁵ *Ровнер. Вспоминая себя...* С. 121.

науки в рамках многообразных парапсихологических исследований, которые проходили с середины 70-х гг. в СССР³⁶, причем в то же время подобный процесс начался и на Западе, во многом из-за взаимовлияния научных изысканий двух супердержав³⁷. Особенно интересно было бы изучить роль, которую сыграл в эзотерических кругах двух столиц конца 1950-х — начала 1960-х гг. столь значительный человек, как Юрий Рерих. Картина с необходимостью должна быть дополнена и социологическими исследованиями той эпохи, беседами с очевидцами и потомками героев андеграунда. Завершая, повторим, что наш текст мыслится лишь как прологомены к будущему изучению сложной и противоречивой темы.

Ключевые слова: западный эотеризм, советские подпольные кружки, Евгений Головин, Владимир Степанов, Юрий Мамлеев, путь левой руки, традиционализм, антропософия, учение четвертого пути.

ЗАГ. НА АНГЛ.

АВТОР

Аннотация

Keywords:

³⁶ См. у Ровнера раздел, посвященный «Спиркинским мистериям» (*Ровнер. Вспоминая себя...* С. 287 и далее).

³⁷ Подробнее об американском опыте см.: *Kripal J. Esalen: America and the Religion of No Religion. Chicago, 2007; Kripal J., Glenn W. S. On The Edge Of The Future: Esalen And The Evolution Of American Culture. Indiana, 2005.*